

Глава 2

Обещание Императора.

Как могла императорская супруга, особенно та, что была приговорена к смерти, обладать смелостью прямо обратиться к императору по имени?

И, почему Император посетил тюремные камеры?

Поворот событий в эту снежную ночь, внезапно стал очень странным.

Из-за этих назойливых мыслей, он немедленно забыл о своих ранах.

Прозвучал тихий голос. «Ты можешь пощадить этого мужчину?»

«Причина», ответил Император.

«Он намеревался остановить их».

«О?» Слабые следы улыбки изменили черты лица императора. «Один мужчина проив десяти? Он переоценивает себя. Он заслуживает смерти».

Заслуживает смерти. Слова Императора громко отозвались в четырех стенах тюремных клеток. Сердце Чжан Цзиня сжалось, и он согнул свои пальцы в кулак.

Снаружи, метель набирала свою силу, заставляя сворачиваться шелковые занавески, мягко сгибая, будто волны на гладкой поверхности озера.

За занавесками, Ниан Сюаньцзи слабо улыбалась. «Ваше Величество кажется право».

Чжан Цзинь оцепенел. Он не мог понять значение слов Супруги Ниан, пока он не услышал продолжение, «За 15 лет вашего правления, Чжан Цзинь был грамотеем, чей титул вы официально присудили».

Выражение лица Императора оставалось неизменным. «Если это и так, почему он был здесь на побегушках?»

«Чжан Цзинь честный и прямой человек. Если бы я могла предположить, то Мистер Цзинь вероятно воздержался бы от обычных политических методов императорского двора, возможно, оскорбляя этим кого-то».

«Это традиция создавать и соединять политические фракции. Почему он один должен хранить свои принципы и отказываться действовать в соответствии с нормами? Он заслуживает смерти». Император сузил свои глаза, его голос стал прохладней.

С того самого момента, как Император впервые вошел в камеры, его голос всегда был любезным. Сейчас же, однако, тот же самый голос стал суровым, с намеком на жесткость. Чжан Цзинь не мог сдержать дрожь, распространяющуюся по его телу.

Раздался беззаботный смех Господина Лингру.

Юноша, одетый в зеленое, Цинфэн, стоял в тени; главный дежурный Евнух Сю, стоял со стороны императора, он наклонил свою голову вниз. Чжан Цзинь не мог видеть их лица. Все же внезапный смех Лун Цзыцзиня, заставил снова сжаться его сердце, будто тишина не давала

смеху осмеивать его безрассудство. Он покраснел.

Голосом с оттенком раздражения, Ниан Сюаньцзи сказала, «Каждое слово произнесенное Его Величеством, кажется имеет мудрый смысл. Что нам следует делать сейчас?»

Чжан Цзинь скрежетнул зубами. Внезапно, он повернулся лицом к занавескам и поклонился три раза, его голова ударялась о холодный пол. Медленно, он говорил, «Я глубоко благодарен милосердию Вашего Высочества. Только, моя жизнь должна закончиться здесь сегодня. Если есть другая жизнь, я непременно возьму вам вашу доброту».

Вздых, который издала женщина был тихим, она все еще хранила следы улыбки. «Так как я приняла вашу благодарность, я полагаю мне нужно что-нибудь сделать».

Эти произнесенные слова, стали причиной роста внезапной, тревожной надежды в сердце Чжан Цзинь. В следующий момент, тем не менее, он не смог удержаться от горького смеха, который он издал. Неужели Супруга Ниан забыла, что она тоже, стояла лицом к надвигающейся смерти? Как может такой человек спасти его жизнь? Не забавно ли это?

Смех стих, он почувствовал внезапное покалывание в голове, будто его пронизывал пристальный взгляд другого человека. Смутно, он заметил, что этот свирепый взгляд принадлежит Цинфэну – но почему? Он украдкой поглядывал в направлении этого юноши, и только видел, как уголки рта Цинфэна изогнулись в холодной улыбке.

Чжан Цзинь сжал свои дрожащие пальцы.

Лун Фей-ли стоял перед ним, его руки были сложены за спиной. Метель окутывала камеры, увеличивая свою силу, являясь причиной того, что те великолепные желтые одежды развивались на ветру, но сам мужчина оставался неподвижен.

Внезапный импульс подглядеть за выражением императора назревал внутри Чжан Цзиня, но он слишком боялся сделать это.

В одно мгновение, вся тюрьма, казалось, успокоилась. Только незначительные испарения, которые издавали тюремные охранники, поднимали их последние дыхания жизни, прерывая неподвижную тишину.

В этот момент, Ниан Сюньцзи, наконец, сказала, «Евнух Сю, так как я не могу покинуть камеру, могу я побеспокоить тебя, чтобы ты пришел и передал предмет от меня?»

«Да!» Согласился евнух Сю, все еще оставаясь на месте. Его одним движением было то, что он слегка повернулся к лицу Лун Фей-ли.

Лун Фей-ли улыбнулся. «Сю Си, ты намерен не повиноваться приказу Супруги Ниан?»

«Нет».

Внезапные движения, и Сю Си встал перед железными прутьями камеры. На полу, Му Кван, чье тело было скручено им самим, поспешно развернулся, чтобы наблюдать за Сю Си. В отчаянии, Му Кван потащил себя в сторону. Кровь, льющаяся из его ран, запачкала шелковые занавески ярко-красным.

Из-под занавесок протянулась стройная рука.

Сердце Чжан Цзиня тревожно стукнуло, но тело Сю Си было отклонено от него, защищая объект с его линии обзора.

«Ваше Величество». Сю Си получил предмет, поклонился, и поднес его Императору.

Это был маленький сверток, обернутый в ткань.

«Имущество Супруги Ниан должно быть удивительно очаровательно». Лун Цзыцзинь едва улыбнулся, но все же его высказывание носило намек на усмешку.

Чжан Цзинь взглянул наверх, чтобы увидеть глаза Императора, уставившиеся на сверток. Но все же он был неспособен понять выражение в глазах Лун Фей-ли.

«Сю Си, открой сверток».

Многими ночами позже, по прошествии нескольких лет после этого сильно холодного Кануна Нового Года, Чжан Цзиня восстановили в его позицию власти во дворце императора. В одну из таких ночей, в далеком будущем, он хотел посетить бордель, и все равно сколько слухов и сплетен безусловно возникнет, в результате его действий, он большую сумму денег, в обмен на сногшибательную куртизанку. К тому времени, его мозг мог только думать о слегка раздраженных словах, что были сказаны той красивой женщиной: «Что нам нужно делать?»

Несомненно.

Это был похожий голос; похожий тон.

Все же, это все, что было нужно, чтобы поглотить его мысли, свести его с ума.

Внутри завернутого в ткань свертка была полоска шелка, и бумага.

Бумага и шелк.

Этот шелк был такого же цвета, что и одежда, в которую был одет Лун Фей-ли, как если бы, возможно, была отрезана от той же ткани, окрашенной в том же чане. Это был сияющий цвет, пленительный для глаз.

Шелк был бриллиантового желтого цвета; бумага была белая как снег; на ткани был выгравирован отпечаток серебряного дракона в облаках. На бумаге не было никаких слов, только знак печати.

Штамп Императорской нефритовой печати.

Чжан Цзинь немедленно понял, что этот предмет не так банален, но даже когда он постарался опознать этот таинственный объект, напоминающий об Императорском указе, Лун Цзыцзинь уже воскликнул, « Это же железный свиток наших предков!»

Тотчас, камеры окутала тишина.

Потрясенный, Чжан Цзинь не заметил разговоров в других комнатах. Его собственные мысли были в беспорядке от внезапного поворота событий от этого скандального открытия.

Железный свиток был самым престижным предметом Императора, который он мог официально даровать своему привилегированному чиновнику. И все же, если не было чрезвычайно достойного служения – например, военного командующего, который снова и снова завоевывал

с трудом победы – такой предмет не мог стать наградой, даже самых высокопоставленных Министров.

Это был предмет, который имел не превзойденную славу и честь, присуждаемую Императором. Легендарный предмет, он был желанен всеми, для своего привилегированного хозяина он имел силу, чтобы избежать смерти, неважно, насколько ужасным было преступление. С рассветом новой династии в Сю Лян, за несколько сотен лет, что прошло, этот легендарный предмет был дарован только дважды в истории – один раз, Великому Генералу, который боролся за то, чтобы вырезать эту новую империю вместе с династией основателя.

Этот железный свиток, безупречный как белый нефрит, позволял своему владельцу добиться обещания от Императора.

Императорское обещание – что это еще означает?

«Девятый брат», сказал Лун Цзыцинзь дрожащим голосом. «Ты должен подарить это Сюаньцзи?»

Хотя Лун Цзыцинзь обычно казался человеком, с которым легко иметь дело, он также был пронзительным человеком, который спокойно помнил о своих словах и действиях. Только в этот неожиданный момент потрясения, он дал маху, словами обратясь к Супруге Ниан, обращаясь к ней прямо по имени.

Лун Фей-ли не смотрел на железный свиток. Вместо этого, его невозмутимый взгляд был зафиксирован на обмотанных белых занавесках. Он сказал, «Ниан Сюаньцзи – если сегодня я пожелаю убить крысу, что вы себе вообразили, вы будете также использовать этот свиток, чтобы спасти это несчастное существо?»

Тишина.

Это было аристократичное лицо, красиво сформированное, будто скульптором были руки Господа. Молодые губы Императора были подернуты слабой улыбкой, но все же в его глазах не было даже намека на теплоту.

Когда железный свиток упал на пол, эти белые занавески мягко трепетали на ветру, перед тем, как упасть на капли.

Страсти улеглись, и фигура медленно двинулась вперед.

Сю Си, чей взгляд упал на железный свиток, внезапно вспомнил ряд событий, что случились в течение шестнадцатого года правления Императора Цинь. Тогда, Ниан Сюаньцзи, что командовала преданной любовью Императора, была понижена в должности до дворцового раба, после неудавшегося восстания, организованного ее отцом, Министром Нианом. Вслед за ее падением, новой фавориткой Гарема Императора стала Супруга Хуа, племянница Вдовы Императрицы, в дополнение к этому, супруга Хуа, была дочерью командующего генерала.

-Воспоминания однолетней давности-

Император Цинь, 16-ый год правления. Дворец Императора. Зал Тяньцинзь

В обычном виде в этот обычный день, Император внимательно читал документы, которые предложили на рассмотрение его чиновники.

Сю Си стоял в стороне, готовый выполнить любые приказания Императора.

Несколько слуг вошли и поставили чай. Человек, руководящий ими была Супруга Хуи Дворца Льюли. Ее губы были вытянуты в лучезарной улыбке, ее руки были стройными и изящными. Скромно, она поддерживала и передавала чайную чашку Лун Фей-ли.

Лун Фей-ли сделал маленький глоток, и улыбнулся. «Это чашка хорошего чая».

«Ваше Величество, этот чай с деревьев в горах моего родного города. Когда наступает весна, сладковатый запах, который они выделяют, держится в воздухе много дней. Отбираются только лучшие чайные листья, их торопят доставить во дворец, используется большое количество лошадей, многие из которых погибают от перегрузок».

«Ваша внимательная забота – это замечательно».

Лун Фей-ли закрыл книгу с документами, которые читал и протянул руку, притягивая Супругу Хуи в свои объятия.

С притворной скромностью, Супруга Хуи упала в его руки, ее тело слилось с его сильным телом.

«Ваше Величество», начала она. «Чей чай вы предпочитаете? Этот, или тот, что вам готовила Сюаньцзи в прошлом? Я слышала, что Сюаньцзи бегала босиком к водоему с лотосами, чтобы собрать капли росы, перед тем, как встанет солнце».

В самом деле, такие слухи широко распространялись по дворцу. Говорили что, для того, чтобы помочь Императору получить самую чистую воду для его чая, Ниан Сюаньцзи разыскивала капли росы лилий весной, лотосов летом, хризантем осенью, и слив осенью. Не важно какой был сезон, она оставалась верна своему порядку.

Улыбка растянулась по губам Лун Фей-ли. «Хуи», сказал он, «я терпеть не могу аромат цветов».

Супруга Хуи на момент оцепенела. В следующий момент, к ней вернулось самообладание, лучезарная улыбка еще раз появилась на ее лице.

Ах, да. Как она могла забыть? Однажды, когда сильный и влиятельный Министр Ниан уже был казнен, его дочь была понижена до должности дворцовой рабыни. Даже такой поворот событий был милосердием: тогда, Лун Фей-ли сначала планировал казнить Супругу Ниан вместе с ее павшим кланом. Она просила Императорского ходатайства о помиловании, стоя на коленях три дня и три ночи, умоляя Императора пощадить ее жизнь.

Первый день благоволения Императора, дождем пролился на Супругу Ниан... в конце, оказалось, что сильная привязанность была иллюзией, порожденная политическими мотивами.

После всего, когда закончилась шахматная партия, какой шахматный игрок не расположен избавляться от шахматных фигур?

И, в настоящий момент времени, Супруга Хуи наслаждалась благосклонностью Императора. Как могла она быть так глупа, что сравнивала себя с этой опозоренной женщиной?

Когда ладонь Лун Фей-ли подобралась к ее одежде, вырвался ее легкое нытье. Робко, ее руки скользнули к его шее, тогда Император сказал, «Матери в последнее время нездоровится. Я слышал, что мои супруги собираются нанести ей визит в полдень?»

Удивленная, Супруга Хуи не понимала внезапного изменения темы Императором, но она вынужденно улыбнулась, и ответила, «Я раньше разговаривала с Супругой Хуа. Я уже передала свои приветствия Вдове Императрице этим утром, я думала, что это будет правильно для меня пропустить эту полуденную встречу».

Стоя в углу комнаты, Сю Си, что тихо наблюдал за двоими, внезапно подумал: к этому моменту, все супруги императора собрались в помещении Вдовы Императрицы, оставляя Императорский зал Тюньцзинь свободным от перерыва. Что за интеллигентный жест Супруги Хуи!

«Мать должно быть ждет тебя. Как насчет того, что я буду тебя сопровождать».

Сердце Супруги Хуи радостно затрепетало. Изыщно, она наклонилась, и сладко сказала, «Спасибо за ваше внимание, Ваше Величество!»

Быть в компании с Императором в помещении Вдовы Императрицы было символическим движением безмерного благоволения – обстоятельство, которое приносило ей радость.

Вдова Императрица устроила маленький званый обед в Павильоне Ланкшин.

Под успокаивающим теплом солнца, голубовато-зеленая вода озера слегка покрывалась рябью.

Когда Супруга Хуи покинула Императорскую коляску, ее глаза немедленно упали на Вдову Императрицу, которая сидела во главе длинного стола. С правой стороны от Императрицы, и в два ряда от стола были другие наложницы, расположенные по их рангу.

Лун Фей-ли поприветствовал Вдову Императрицу.

Супруга Хуи, стоящая рядом с ним, смотрела прохладно на других наложниц, которые встали, чтобы поприветствовать Императора, внезапным движением. Радость и чувство гордости поднялись в ее сердце.

Внезапно, Сю Си нахмурил брови, когда его глаза легли на группу слуг, которые легко перемещались, неся тяжелые горшки с растениями к одному из углов павильона. Его пристальный взгляд упал на слугу, который спотыкаясь, шел неровно, будто человек терпел большое неудобство.

Разве эта слуга не бывшая первая хозяйка Дворца Фэнцзю – Ниан Сюаньцзи?

Заметка переводчика: Итак, я не уверена, если правильно передала смысл части, где Чжан Цзинь пошел в бордель. В основном, слова сказанные куртизанкой «Что нам следует делать» были теми же самыми словами, что Сюаньцзи сказала раньше Императору. Итак, Чжан Цзинь просто «купил» женщину потому, что ее слова напомнили ему Сюаньцзи.